

В. Ханевич

ПРАВДА И ЛОЖЬ О «ПАРТИИ НАРОДНЫХ ГЕРОЕВ»

В 1936 году, еще до того, когда начались массовые репрессии 1937–38 гг. против поляков по всей территории СССР, в городе Томске состоялся процесс над целой группой местных поляков, обвиненных в принадлежности к мифической «Партии народных героев». * По сути, это была генеральная репетиция и проба сил местных органов ОГПУ–НКВД по организации масштабных репрессий в отношении поляков на томской земле.

А как и всякое начинание, оно не лишено было импровизации, выдумки и творческого подхода местных чекистов, одним словом, того, на что уже не было у них ни времени, ни возможностей в жаркие для них 1937–38 годы.

Всё началось с того, что в мае 1935 года некий двадцатичетырехлетний Иван Пушкин, технический инспектор горпрофсовета по службе и «сексот» - провокатор по призванию, получил от своего официального начальства поручение съездить в подшефный близлежащий к городу колхоз «Красный Октябрь». Колхоз состоял преимущественно из поляков, приехавших в Сибирь из Белоруссии ещё во времена столыпинской реформы. Отправили в деревню этого молодого человека как представителя вышестоящих органов с целью контроля за подготовкой к весенней посевной кампании и в качестве уполномоченного по распространению облигаций Государственного займа.

Очевидно, по заведённой практике перед отъездом зашёл он получить инструкции и к своему тайному начальству - начальнику секретно – политического отдела томского НКВД В.П. Журавлеву. Тот ему дал задание выяснить политическое настроение членов этого колхоза. Посоветовал особенно обратить внимание на председателя колхоза Фульгента Татыржу и его родственников и попытаться установить с ними доверительные отношения.

Поселившись в доме председателя колхоза, Пушкин, выполняя своё тайное задание, между делом стал вести с хозяином квартиры провокационные разговоры, толкая его на ответные высказывания. Недовольства же в деревне хватало с избытком. Буквально незадолго до этого поляки, жившие по окрестным хуторам, были согнаны в колхоз, лишившись своего хозяйства и привычного уклада жизни.

Вернувшись из командировки Пушкин в письменном виде подробно изложил при встрече с чекистом Журавлевым результаты своих разговоров с председателем колхоза и его родственниками. Ознакомившись с его отчётом, Журавлев остался очень довольным и заявил своему осведомителю, что «группа Татыржи» представляет большой интерес для дальнейшей разработки и что Пушкину в дальнейшем придется много поработать в этом направлении. А чтобы частые приезды секретного сотрудника «органов» в колхоз на время разработки операции не вызвали у местных жителей подозрений, Пушкину посоветовали установить дружеские отношения с одной из младших сестёр Фульгента Татыржи и жениться на ней. Для чего была сделана даже фиктивная запись в паспорте Пушкина о якобы его разводе со своей настоящей женой.

Через две недели, в конце июня 1935 года Пушкин вновь получил предписание выехать в тот же колхоз якобы для проведения очередной сельхозкомпании. За время этой поездки он сумел расположить к себе сестру Фульгента Владиславу и предложил ей выйти за него замуж. Получив предварительное согласие отца Владиславы, Августа Татыржи, Пушкин в свой

очередной приезд зарегистрировал в сельсовете брак с ней, и теперь уже регулярно стал приезжать в село на правах родственника председателя колхоза. Во время всех своих последующих вояжей в деревню «зять» активно в дружеских беседах со своими родственниками наводил их на разговоры «опасного содержания». Однако ничего, кроме как отдельных высказываний о недовольстве колхозным строем, от них не услышал и, как докладывал своему секретному начальству, никакой организованной антисоветской деятельности в их действиях не заметил.

Тогда сотрудники НКВД предложили своему секретному сотруднику изменить тактику своего поведения и заявить в беседе со своим «родственником», что он является активным участником крупной антисоветской организации, существующей в городе Томске и предложить ему и его родственникам, а также наиболее доверенным односельчанам вступить в эту организацию. Тут же сотрудником НКВД Журавлевым был сочинено воззвание к населению от имени вымышленной подпольной антисоветской организации, а Пушнин его старательно переписал карандашом себе в общую тетрадь.

В воззвании помимо разных других слов указывалось, в частности, и о том, что все крестьяне, недовольные объединением в колхозы, должны присоединяться к организации, которая ставит своей целью возвращение к единоличному ведению хозяйства и якобы стремиться к возрождению независимых хозяйств на хуторах...

В свой очередной приезд в деревню Пушнин, выполняя задание органов, «открылся» свояку Фульгенту и познакомил его с данным текстом воззвания. Тот, как отмечал впоследствии Пушнин в своих докладных, отнесся к данному сообщению не особо доверчиво. История умалчивает о том, как долго и каким способом сексот Пушнин добивался, чтобы ему поверили, но в конечном итоге Татыржа уступил его просьбам и собственноручно переписал текст этого воззвания и согласился ознакомить с ним своих родственников. Когда Пушнин приехал вновь в колхоз, Фульгент Татыржа сообщил ему, что текст данного документа он давал прочитать своему отцу, Романчуку и его сыновьям, зятю Литвину, Апетенкову, Гурову и некоторым другим сельчанам. Текст данной бумаги они якобы одобрили, но высказали свои опасения в существовании возможной провокации. В ответ Пушнин заявил, что он готов «расконспирироваться» для них и готов их убедить, что такая организация существует.

Вскоре такая встреча состоялась, на которой Пушнин мастерски сыграл роль члена руководящего центра этой организации, ознакомил их с заранее подготовленным в недрах горотдела НКВД уставом организации, образцами анкет членов этой организации и даже уговорил присутствующих тут же заполнить эти анкеты.

Сделав своё дело, забрал готовые анкеты и по возвращении в город с письменным рапортом передал их Журавлёву. Во время очередной поездки в колхоз в январе 1936 года он ещё собрал около 20 заполненных анкет и передал их по назначению. Получив обманным путём ни у чего не подозревающих людей улики против себя как членов некоей партии, Пушнин, согласно сценария горотдела НКВД, должен был исчезнуть из поля зрения своих «родственников и жены», что и сделал, уехав к своей матери в Калужскую область. Оттуда в соответствии с указанием Журавлева отправил в деревню Татыржам от имени своей матери сообщение о якобы своей смерти. Чтобы

письму поверили, к нему приложил свою фотографию, снявшись мертвым в гробу...

Тем временем томские чекисты произвели первые аресты тех, кто заполнил анкеты, а также их родственников. Вот что рассказал о своем аресте проходивший по этому делу Петр Романчук, в то время молодой 18 летний парень:

— В 1930 году началась коллективизация, работников у нас не было, мы были работающие, не пили. Настоящая крестьянская семья. Куда деваться? Если не запишешься в колхоз - поедешь в Нарым. Записались. Колхоз назывался «Красный Октябрь». Начали в колхозе работать. Тогда стащили в этот колхоз всё самое лучшее: лошадей хороших, сбрую хорошую. Года два поработали, а потом куда что делось... Лошадям шишки набили, спину постирали, остались одни калеки. И сбруи не стало.

Мы с братом Альфонсом решили уехать в город. Брат Франц остался в колхозе, работал счетоводом. Там же остались и остальные братья, отец с матерью, дед с бабкой. Приехав в город, стали мы устраиваться учиться и работать. Грамоты мало было. Я только две зимы в деревне проучился, а братья Альфонс и Франц нигде не учились. В городе Альфонс начал учиться на каких то курсах и стал работать бригадиром конного обоза пединститута. Я тоже на вечерние курсы устроился учиться, а днем работал на сушильном заводе аппаратчиком. По выходным дням старались к родителям выбраться, но выходных было мало, всё время занимала учёба и работа.

20 апреля 1936 года нас неожиданно арестовали и увезли вот в эти подвалы. Пришли двое часа в два ночи. Трясли нас, обыск начали делать. А что искали, нам непонятно было, у нас ничего не было. Я даже не испугался. За что? Что такое? Разберемся, говорят. Завели в центральный ход здания, где милиция была, потом повели по большому коридору в подвал другого здания, располагавшегося рядом с первым. Переход этот представлял собой прорытый в земле проход шириной не более двух метров, обложенный по стенам досками, а потолок этого коридора был стеклянным, покрыт стеклянными рамами. В ночное время здесь горели ночью лампочки электрические. Хорошо помню я этот коридор, так как ходил потом я по нему регулярно месяцев 6, пока сидел, водили в душ мыться. Сидел я в камере № 21. В камере были к стене приделаны четыре голых деревянных топчана. Окна заделаны козырьком. Можно было только в небо смотреть. Под потолком круглосуточно электрическая лампочка горит. На прогулку нас не водили. В углу деревянная параша ведра на два. Кушать приносили прямо в камеру.

Помню, сидел со мной в камере какой-то Бражников. В первую войну он к немцам попал, пробыл там 3 года, потом жил в Польше. Как только перешел границу в СССР, его арестовали и привезли в Томск. Еще священник какой-то сидел, потом какой-то человек по фамилии Любецкий, сторожем раньше был. Какой-то Вершинин, у другого фамилия Парфёнов была. В начале в камере было 5 человек, потом ещё один добавился. Я как самый молодой под нарами на полу спал. Умываться водили по очереди. Брат Франц в какой-то соседней камере сидел, здесь же в соседних камерах сидели мои родные и односельчане, но держали нас по отдельности. Посадили нас сразу 5 братьев и отца, а ещё Ядвигу, жену старшего брата. Не арестованными из нашей семьи оказались только самый младший брат, он с 20 года рождения был. Брат этот потом воевал на фронте и домой целым вернулся. Кроме него дома остались мать, жена брата Франца, да дед с бабкой старые... Мать передачи приносила. Да только что она

для нас семерых нас могла собрать... Мать вечная труженица была, её никогда просто без работы застать было невозможно. День и ночь работала, ткала, пряла, но все равно в вечной нужде находились. Так потом, когда я из лагеря стал домой посылки отправлять и старался помочь, так дома удивлялись - что за лагерь такой, что еще оттуда помогать можно было...

Месяца два на допросы меня не водили, а потом ночами стали таскать. Следователями были Носов и Журавлев. Стали они требовать, чтобы я признался, что в какой-то организации подпольной состоял. Мне всего 18 лет. Я даже не знал, что существует какая-то НКВД. Знал только, что есть милиция, вот и все. Следователь допрашивал почти до утра, грозил, наган на стол положил, правда, бить не били... Требовал, чтобы я сознался, что состоял в какой-то организации, о которой я понятия даже не имел. Допрашивали меня несколько раз, но я ничего не подписывал. Допрашивали в этом же здании, но только на верхних этажах.

Как потом оказалось, по нашему делу проходило 35 человек. В основном это были наши деревенские мужики, но было также несколько женщин. Большинство из этих 35 человек были поляки: Апетёнки, Татыржи, Дубинские, Анкудовичи, нас, Романчуков, семь человек. Из Татыржей были арестованы сам глава семейства, Август, два его сына и дочь Владислава. Обвиняли, что мы якобы какую-то организацию создали, которая якобы хотела Советскую власть свергнуть. Якобы называлась «Партией народных героев»...

Однако вернемся вновь к Пушкину. Подобно Петру Романчуку вели себя и другие арестованные по этому делу. Никто из них показаний о своей причастности к организации не давал, заявляя, что арестованы они по провокационным материалам, которые им давал Пушкин. Текст устава и воззвания, написанные от руки Татыржи, при обыске найдены не были. Вот тогда сотрудникам ГО НКВД вновь потребовался сексот Пушкин как свидетель обвинения. В середине апреля 1936 года он был вызван в Томск, где ему объяснили его новую роль. Согласно новому сценарию, он должен будет вновь «воскреснуть» из мертвых, быть арестованным и находиться какое то время в роли подследственного по этому делу. Главная его задача состояла и в дальнейшем быть в качестве подсадной утки в ходе следствия и суда. Через несколько дней на квартире Пушкинина в присутствии родственников и знакомых был инсценирован его арест. В тюрьме горотдела НКВД его поместили одного в служебную камеру, из которой он мог свободно выходить во двор в любое время. Питание приносили из столовой ответственных работников города.

Находясь под таким специфическим арестом, Пушкин активно занимался на очных ставках обработкой арестованных, склоняя их не запирайтесь от следствия, как якобы делает это он. Подписанные им протоколы допросов использовались для давления на других арестованных и являлись основанием для ареста новых членов «народных героев». Как уже говорилось, по этому делу проходило более тридцати человек. Не избежала ареста и так называемые тесть и жена Пушкинина, Владислава, которая по-прежнему не догадывалась об истинном лице своего мужа и всячески его выгораживала на допросах.

Фиктивные протоколы допросов Пушкинина сочинял Журавлев совместно с приехавшим для такого дела из Новосибирска начальником СПО краевого управления НКВД Аркадием Горским. Видимо именно с подачи Горского для придания этому делу соответствующего размаха в обвинительное заключение было вписано, что арестованные антисоветски настроенные поляки якобы имели преступную связь с поляками – ксендзами Гронским и Терпенто,

которые, в свою очередь, поддерживали связь с Польшей. А если имели связь с Польшей, то, естественно, по заданию польских властей вели антисоветскую работу среди проживающих в СССР поляков, призывая их не поддерживать коллективизации сельского хозяйства в стране.

Далее следовало, что данная контрреволюционная организация уже охватила своей деятельностью город Томск и 8 населенных пунктов Томского района. Имела разработанный устав-программу, издавала рукописные газеты-программы контрреволюционного характера, которые затем распространялись среди населения. Главной же целью руководство «народных героев» ставило перед собой не иначе как подготовку вооруженного восстания с целью свержения Советской власти в момент нападения на СССР извне и установления буржуазно-демократического строя ...

Судебное заседание спецколлегии Запсибкрайсуда по делу «народных героев» проходило в Томске с 15 по 18 сентября 1936 года. «Суд был закрытый и проходил в этом же здании, где мы и сидели, - продолжает свой рассказ участник процесса Петр Романчук, - Судила нас Новосибирская коллегия военного суда. На суде я сказал, что виновным себя не считаю. Никаких адвокатов не было. Обвиняли меня по статье 58-2 и 11, а суд добавил еще статью 58-12., т.е. недонесение. Когда подали на кассацию, статью 58-2 и 11 с меня сняли, оставив только пункт 12. Дали мне 5 лет лагерей, братья тоже получили по 5 лет, только старший брат получил 10 лет. Жена брата получила 3 года. Через год на мою жалобу с меня сняли ещё 2 года заключения и поражение в правах... Брату тоже сняли. Нам осталось сидеть по 3 года. Меня отправили на Колыму. Другой брат Наполеон, получив 10 лет лагерей, тоже был отправлен на Колыму и нам потом довелось с ним встретиться, а вот брата Франца отправили в другое место. В лагере потом его еще раз судили и дали дополнительно 10 лет. На Колыму также отправляли двух братьев Апетёнков, Малая, и еще несколько человек, проходивших по нашему делу...».

Дополняя рассказ одного из здравствующих ныне участников того процесса, скажем, что и на заседании суда Пушнин талантливо сыграл предназначенную роль: он не только «признался» во всех приписанных лично ему преступлениях, но и активно топил своих соратников по «партии». Решением суда Фульгент Татыржа и сам Пушнин как руководители организации были приговорены к расстрелу, остальные к различным срокам заключения от 10 до 3 лет. Владислава Татыржа и её отец получили по 5 лет лагерей. Но если Пушнину, как его в этом уверили томские чекисты, лично для него данный приговор был всего лишь инсценировкой, то для других он стал суровой реальностью. Правда, после подачи кассационной жалобы расстрел (реальный для Фульгента Татыржи и «бумажный» Пушнину) был заменен десятью годами лагерей, но это уже кардинально не меняло сути дела. Спектакль был сыгран. Организаторы процесса пожинали лавры в виде очередных наград и продвижений по служебной лестнице, а «народные герои» отправлены в недра ГУЛАГа. Уцелеть из них удалось всего единицам. Среди них оказались братья Франц и Петр Романчуки, а также Владислава Татыржа - Пушнина, отсидевшая полностью свой пятилетний срок и до конца своей кончины в начале 90-х годов так и не узнавшая истинной роли своего мужа в своей собственной судьбе и судьбе братьев и отца.

Если говорить о дальнейшей судьбе сексота Пушнина, то она также интересна и поучительна. Как один из руководителей мифической партии получив ВМН с заменой на 10 лет лагерей, он, как и ожидалось, не был

отправлен в лагерь, но и не выпущен на свободу. Находясь в распоряжении руководства ГО НКВД, он в последующем в пик репрессий 1937-38 годов активно использовался для так называемой внутрикамерной обработки арестованных «врагов народа». Пользуясь покровительством начальника Томского ГО НКВД Овчинникова и находясь в том же привилегированном положении, он, свободно разгуливая по камерам внутренней следственной тюрьмы горотдела НКВД, терроризировал арестованных, заставляя их подписывать угодные следователям показания. Доходило дело даже до того, как писал в своей жалобе Сталину один из сотрудников ГО НКВД, что заключенный Пушнин даже давал указания следователям как составлять протоколы допросов и вести следствие...

Когда же в 1939 году в ходе смены команды наркома Николая Ежова командой Лаврентия Берии, в ходе которой был арестован и вскоре расстрелян главный томский чекист Овчинников, Пушнина отправили в лагерь уже взаправду отсиживать свои полученные за партию «народных героев» 10 лет. Неизвестно, в каких лагерях находился Пушнин, чем он там занимался и как себя вел, но в 1958 году в период хрущёвской «оттепели» он обратился с заявлением о пересмотре своего дела, считая, что в своё время был репрессирован необоснованно. В заявлении коротко изложил свою настоящую роль в деле «Партии народных героев». Рассмотрением его заявления тогда занимался следователь ГКБ А.И. Спраговский. Вызвав заявителя из Казахстана, где он проживал на момент подачи заявления, Пушнин несколько раз был допрошен следователем Спраговским по обстоятельствам «Партии народных героев». Нужно отдать должное этому человеку, подойдя к рассмотрению этого дела не формально, а по существу, он тогда рекомендовал реабилитировать всех проходивших по делу «героев» за исключением Пушнина как одного из активных фальсификаторов, а в начале 90-х годов об этом деле впервые рассказал членам томского «Мемориала». Пушнин тогда реабилитирован не был, не был реабилитирован он и по Указу ПВС СССР от 16 января 1989 года как лицо, занимавшееся фальсификацией уголовных дел, но удивительное дело, в уже наше «перестроечное» время постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 18 апреля 1990 года вместе с остальными «героями» был реабилитирован за отсутствием состава преступления и Пушнин. Реабилитирован потому, что, участвуя в фальсификации дела, как написали в отношении его, не являлся должностным лицом (сотрудником НКВД), т.е. не был субъектом преступления...

* При написании данной статьи использованы материалы книги В.Н. Уйманова «Репрессии. Как это было...» Томск . 1995 г.